

Ирина Решта

Настоящий клад

Сказка о смелости и о дружбе

**Ирина Вячеславовна Решта
Александр Дмитриевич Холодов
Настоящий клад**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66262982

SelfPub; 2021

Аннотация

После того, как были написаны "Мышиные истории: быть и небыть об инклюзивном образовании", меня попросили написать для детей сказку, в которой бы речь шла о дружбе, о смелости, о нравственном выборе. Сказка эта была издана в Брайле, но мы решили, что надо ее снабдить картинками и издать и по-обычному :)

Книга основана на реальных событиях – похожая ситуация произошла в моем детстве на даче. Я была тогда еще не феей Мартой и даже не Ириной Решта, а просто девочкой Иринкой. Конечно, я знаю доподлинно лишь внешнюю сторону – то, как видели ситуацию люди. А в этой книжке рассказана история с точки зрения мышей, и восстановить ход событий мне помог мой сын Александр. Думаю, что в реальности было почти так :) но на всякий случай мы назвали произведение сказкой, а не былью :)

Ирина Решта, Александр Холодов Настоящий клад

Основано на реальных событиях.

Все имена и географические названия являются вымышленными

Стоял погожий выходной день. Дачный поселок готовился к зиме. Несмотря на субботу, дачников практически не было. Деревья сбросили последние листья и засыпали на зиму.

Дом по улице Центральной радовался солнцу, которое,

честно говоря, уже почти не грело. Хозяева Дома закрыли дачный сезон, и он наслаждался тишиной и спокойствием, как вдруг на крыльцо поднялась молодая кошка. Торопливо и испуганно осмотрелась – и опять убежала. Дом никогда ее раньше не видел – была она приметная: белоснежная, стройная, с длинными усами, голубыми глазами и небольшими аккуратными кисточками на ушках. «Порода какая-то необычная, что ли?» – подумал тогда Дом и скрипнул недоуменно: скрип-скрип.

Через пять минут кошка – ее звали Снежка – вернулась, держа в зубах что-то серое и пищащее. «Неужели мышь?» – возмутился Дом. Он не являлся сторонником охоты и был убежден, что животные-хищники должны быть исключительно домашними и питаться всякими консервами (растительными, конечно). Но когда Снежка деловито пододвинула лапой уютный связанный хозяйкой коврик в угол крыльца и положила на него свою ношу, то оказалось, что это – новорожденный котенок! Кошка снова убежала и вскорости принесла второго малыша, а затем – третьего. Все семейство улеглось на коврике. Спустя пару минут все уже спали.

...Хотя нет – не все. Под домом притаились трое мышат. В то время, когда кошка появилась на крыльце, мышата были заняты поисками клада. Не секрет, что в старых домах, в подполе, иногда находят клады. И хотя дом не был старым, мышата надеялись на успех. В щель в крыльце они видели, как кошка принесла на коврик троих котят, а потом от греха

подальше законопатили эту щель пожухлой травой – вовсе не с перепугу, а чтобы котята уж точно не нашли клад, когда подрастут. Друзья-мышата договорились завтра вечером тренировать смелость, и побежали по домам.

Эти самые «тренировки смелости» вызывали у друзей много споров. Первый мышонок, которого звали Рома, считал, что проскочить перед автомобилем или пробежать перед кошкой – самая что ни на есть смелость. Ухо у него было уже слегка порвано, и он очень гордился этим. Правда, Ромка никому не рассказывал, как и почему порвал ухо.

Второй мышонок – Костик – с Ромкиным пониманием смелости соглашался, хотя и не очень уверенно. Костик был маленьким, шустрым и в душе считал, что гораздо разумнее убежать еще до того, как ты увидел кошку. Не зачем испытывать судьбу. Но вслух он в этом никогда не признавался.

Третий мышонок, по имени Арсений, считал, что все это не смелость, а глупость. Вот пройти ночью по чужому темно-му дачному участку – это смелость. Правда, для такой прогулки должна быть веская причина. Что зря по ночам ходить-то? Был он предусмотрительным, и его карманы вечно топорщились от винтиков, гаек, веревочек и прочих жизненно необходимых – по его меркам – предметов.

Мальчики задумали на сей раз сделать двойную тренировку смелости и встретиться на участке, где появилась кошка – да еще и ночью. На том и порешили – да разошлись по домам, вернее, по норам.

Ромка бежал и думал – вот бы огромная кошка на них напала, а он бы ей раз – и в нос дал. И еще усы узлом завязал бы.

Костик торопился домой, перепрыгивая через камушки, и думал – только бы не встретить кошку по дороге. Может, стоит прятаться за кусты? А вдруг Ромка еще рядом и увидит, как предательски подрагивает кончик Костикового хвоста?

Арсений шел и почесывал затылок, размышляя: если уж гулять в темноте – то вооружившись прибором ночного видения, а как его сделать-то?..

...Откуда родом кошка Снежка и как она оказалась на улице с новорожденными ребятишками, Дом так и не узнал. Такой кошке впору расчесать кисточки на ушах и отправиться на выставку, а не на крыльце сидеть.

К утру котята уже освоились и напились молока. Мама-кошка мечтала о завтраке, но оставить малышей не могла. Разочек под домом пробежала мышь и ее запах показался кошке непривычно притягательным. От него у кошки еще больше разыгрался аппетит, но она была киской домашней и мысль об охоте ей претила. Дождавшись вечера и усыпив малышей, она отправилась-таки на поиски домашнего ужина, а дом слегка повернулся так, чтобы на крыльцо не задувал осенний ветер – скрип-скрип.

На окраине дачного поселка – довольно-таки далеко от нашего Дома – собирались в город дачники. Несмотря на холодный вечер, дверь в их домик была открыта. Они носили коробки из дома в машину и переговаривались о том, что до весны придется расстаться с чистым воздухом и дачной свободой. Снежка незаметно проскользнула в домик, схватила палку колбасы, высывавшуюся из сумки, но выскочить с ценным грузом на улицу ей не удалось – людей в дверях было много. Она спряталась в комнате и, не теряя времени, взялась за колбасу. «Теперь котяткам хватит молока еще на денек», – думала кошка, отгрызая сырокопченый колбасный кончик. Тем временем, люди загрузили машину и закрыли дверь в дом. Услышав щелчок замка, Снежка заметалась по

дому, но ее мяуканье заглушал звук двигателя на улице...

* * *

Шло время. Стемнело. В нескольких кварталах от попавшей в беду Снежки мышонок Арсений – по-домашнему Сеня – сидел за столом на кухне в норке.

Его мама-мышь разложила по крохотным тарелочкам на столике сырныи и шоколадныи крошки. Была она очень заботливой и хозяйственной, дома ходила в белом кружевном передничке, саморучно (вернее, самолапно) связанном из паутинок, а днем работала на мышинoм складе, и сослуживцы почтительно звали ее Марфой Мышовной.

Папа-мышь Мышантий Петрович – плечистый и крупный настолько, что издалека его иногда принимали за крысу – рассказывал о новостях с работы; трудился он сапером. Конечно, в мышинном понимании это слово обозначало несколько иное, чем в человеческом – он обезвреживал вовсе не мины, а мышеловки, и сегодня ему удалось обнаружить и нейтрализовать две мышеловки – кстати, вот отку-

да сырныи крошки! Папа рассказывал, что по осени дачники понаставили много новых мышеловок, да и уехали, бросив их на зиму с кусочками сыра. Мышеловки надо было обезвредить, сыр достать и сложить в общемышиный склад продуктов на зиму – как раз, где работала мама-мышь. Папа-мышь был очень отважным, но при этом осторожным и внимательным – иначе он не смог бы при такой опасной работе дожить до преклонного возраста, потеряв всего-навсего кончик хвоста. «Все дело в страхе, – объяснял Мышантий Петрович. – Если у тебя развита интуиция и отличные инстинкты, то страх предупредит тебя о том, что мышеловка рядом. Ты почувешь ее. Главное – оценить опасность, предпринять меры предосторожности, обуздать свой страх и смело выполнить работу». «А как отличить реальную опасность от простого страха и даже трусости?» – спросил Сеня. «Для этого существует голова, которой надо учиться думать, и родители, которые всегда могут помочь советом, – ответил папа. – А чтобы стать умным, надо соблюдать дисциплину и режим. Так что заканчивай жевать и иди спать». Мышонок в это время услышал условный писк на улице и понял, что Ромка с Костиком уже ждут его. Гулять после захода солнца в темноте категорически воспрещалось, но для тренировок это было необходимо, и поэтому Сеня как будто бы пошел спать – и выскользнул на улицу в открытое окно, прихватив с собой ручного домашнего светлячка.

Добравшись до Дома, мышата пробрались под крыльцо,

расконопатили щель и выглянули наверх. Котята пищали, а кошки не было видно. «Какие же это котята? Они размером с мышонка, слепые и даже ползать не умеют, – проворчал Ромка. – Давай ждать их мать». «Нет, давай устроим пока разминку», – возразил Костик. Показать трусом в глазах друга ему не хотелось, но в то же время ждать кошку было неохота. Сеня, помнивший слова отца о страхе и предосторожности, согласился на разминку. Друзья немного поспорили, а потом вспомнили о кладе, решили перепроверить, не рылся ли кто на их территории днем. По ходу проверки сообразили, что клад надо найти непременно в полночь и принялись за раскопки. Прошло несколько часов, полночь миновала, светлячок утомился светить и уснул на камушке – а мамы-кошки все еще не было.

– Знаешь, пора разобраться, что там с котятами. Они плачут – может, им страшно без мамы? Мы тут под ними шуршим, и получается, что это у них тренировка смелости, а не у нас. Они же малыши совсем. Вдруг они думают, что мы их съедим, пока их мамы дома нет, – сказал Арсений.

– Вот уж не буду я разбираться с котятами. Пусть боятся мышей с детства. Думаю, что они есть хотят и мерзнут – поэтому и пищат, – заявил Роман.

Костик открыл рот, чтобы поддакнуть Роману, но в это время котята запищали громче, и он промолчал. А Сеня возразил:

– Надо пойти их успокоить и придумать, как согреть, пока

нет мамы.

– Думать даже нечего, чтобы кошкам помогать. Уж никак не предполагал, что ты не только трусливый, но и глупый, – возмутился Роман.

Арсений хотел было обидеться. Глазки у него набухли от подступающих слез и захотелось ему демонстративно броситься в темноту и бежать долго и далеко – доказывая, что он вовсе не трус, и что котята его не интересуют. Но, во-первых, котят ему было, действительно, жаль, а во-вторых, он помнил папины рассказы о мышеловках, которые ночью еще опаснее чем днем.

– Если ты пойдешь выручать дурацких котов, то я расскажу твоему отцу, что ты по ночам не спишь, а гуляешь с кошками, – заявил Ромка. Если бы он этого не сказал, то, возможно, судьба котят сложилась бы по-другому, потому что именно эти слова навели Сеню на мысль о том, как помочь малышам.

– Нет, – ответил он. – И дело не в том, что папа тут же поинтересуется – откуда ты знаешь, где я гуляю по ночам. Дело в том, что я сам ему всё расскажу.

– Ну валяй, рассказывай и спасай своих кошек, – сказал Роман, пнул спящего светлячка и ушел в темноту. Костик, махнув рукой и как бы отмахиваясь от мыслей о котятах, пошел следом за Ромкой.

Очень хотелось Сене произнести им вслед что-нибудь обидное, но он сдержался и вспомнил, как мама – рассуди-

тельная и умеющая держать себя в руках, то есть лапках, учила его быть выше грубости, хамства и не поддаваться на запугивания.

Он выбрался на крыльцо, еще раз убедился, что кошки поблизости нет – запаха кошки он не чуял, и инстинкты не предупреждали его об опасности – и отважился посмотреть на котят. Крохотные, размером с самого мышонка, трое малышей тихо плакали, замерзая без маминого тепла.

...Была середина ночи, когда Арсений постучал в комнату родителей.

* * *

«Ну что, придется осваивать профессию спасателей, – подытожил Мышантий Петрович, цепляя на лоб фонарик. – А за то, что ты гуляешь по ночам, я отругаю тебя позже, сейчас мне некогда.»

При этих словах Сеня почувствовал одновременно облегчение, страх и надежду, что ругать сильно его не будут.

«Да, конечно, все позже», – согласилась Марфа Мышовна и накрепко закрыла крышку термоса. «Хорошо, что котятка твоего роста», – продолжила она, укладывая в пакет три Сениных свитера, и положила сверху термос и салфетку, в которую была завернута горстка сырных крошек.

* * *

...К утру малыши-котятка, одетые в свитерки и накормлен-

ные крошками, спали. Дом умиротворенно поскрипывал, надеясь, что это хоть отдаленно напомнит малышам мамино мурлыканье. Но мама-кошка так и не пришла...

* * *

После бессонной ночи Марфа Мышовна чуть не уснула по дороге на работу. Работала она кладовщиком на том самом продуктовом складе. Сыну её казалось, что эта удивительная работа связана с кладами. И правда, работа у нее было ответственная. Перед ней в очереди стояло много мышей, которые делились будущими зимними запасами: сыром, зернышками, печенюшками, кусочками шоколада и другими вкусностями, обнаруженными на дачах после того, как люди уехали. По общей договоренности, запасы хранились в одном месте, под охраной – от диких бурундуков да белок, и каждая мышьяная семья могла взять себе столько еды, сколько нужно.

Улучив момент, чтобы погрызть кофейное зернышко и побороть сонливость, Марфа Мышовна вдруг услышала, что в очереди обсуждают какое-то важное событие.

– Ой, беда в избушке на нашем участке, – жаловалась молоденькая пугливая мышка в зеленых сапожках на каблучках, по имени Варя. – Кошка какая-то всю ночь плакала у нас. Отродясь у нас не было кошек, и мы с мужем только обустроили под избушкой норку, как такая напасть появилась.

– Приведение это, а не кошка, – убедительно заявила пожилая мышь в фетровой шляпке с пером.

– Да откуда ж в нашем поселке приведение? Оно всегда в деревне Мышачихе обитало, а не у нас. Точно – кошка. Уличная, блохастая поди, шмыгнула в дверь в поисках еды – а ее и закрыли. До весны будет теперь сидеть, пока хозяева твои не придут. – прокомментировала пухлая сердитая мышь в вязанном голубом беретике – это была Ромкина ма-

ма. – Эх, жаль не успели мы оттуда остатки продуктов вынести. Все кошка слопает как пить дать, – опечалилась она.

В обеденный перерыв мама-мышь сбегала в Дом и убедилась, что мама-кошка не вернулась. Она выдала малышам по сырному чипсу и окончательно утвердилась в мысли, что закрытая в избушке кошка – их потерянная мама. На большом листе лопуха угольком Марфа Мышовна нарисовала трех котят в свитерочках и побежала на работу, прихватив свернутый в трубочку листик.

После работы Марфа Мышовна отважилась навестить кошку. Снежка сидела на подоконнике, и ее голубые глаза были полны слез. Развернув листик с картинкой, мышь встала так, чтобы кошке было ее хорошо видно. Да, кошки – страшные существа, но мышь старалась увидеть в кошке маму тех котят, а мамы всегда могут друг друга понять. Увидев на картинке котят в свитерочках, Снежка вытерла слезы и поняла, ее дети в надежных лапах. И даже слегка улыбнулась.

По дороге домой мышка забежала к котяткам. Холодало. Пришлось идти домой за одеялом, потом возвращаться к малышам, да еще и петь им колыбельную. Мяукать у нее получалось плохо, и котятки поглядывали на тетю-мышь с опаской. Поправляя одеялко и вместо соски засовывая в ротик, где уже торчали крохотные зубки, кусочки сухарей, Марфа Мышовна вздыхала. Зубки были уже крупнее мышьиных. Мышке представлялось, что о ней сказала бы пожилая особа в шляпке; да и Ромкина мама точно бы не сдержала возму-

щения. «Не надо думать о том, что скажут эти сердитые глупые мыши. Надо думать сердцем», – успокаивала себя Марфа Мышовна, когда рядом послышался топот маленьких лапок. «Мам, ты самая добрая мышка на свете», – сказал Арсений, подбегая к ней. «Ведь ты зашел попроведать котят – значит, ты самый добрый мышонок на свете и мой самый любимый, – ответила мама. – Пойдем домой, у меня есть новости». По дороге она рассказала сыну, что нашлась котячья мама, и вместе они стали думать о том, как вызволить из дому бедную кошку. Подкоп с помощью кротов? Вереvoчная лестница, спущенная через дымовую трубу? Все не годилось, и план спасения предложил Арсений. «Типичный мальчишечий подход, – оценила мама. – Папа тебя наверняка поддержит и поможет».

...Тем временем Ромкина мама – Матильда – тоже пришла домой, положила голубой берет на полочку и высыпала из карманов тужурки в миску рябиновые ягоды. Она собиралась приготовить пирог с рябиной, но на сердце у нее было беспокойно. Во-первых, Ромка опять где-то задерживался и, зная его безрассудство, она беспокоилась. Во-вторых, она представляла себе, как кошку закрыли в доме, и каково сейчас мышке Варе. «Хотя, – подумала Матильда, – не стоит о Варе думать. Мы в ее годы не то что норы собственной не имели, так даже босиком ходили, а она, ишь, в сапожках да в отдельной норке с мужем».

Когда Ромка прибежал домой, то сначала Матильда его отругала и даже слегка отлупила веником из хвоинок – для профилактики. А потом спросила, где он был, и узнала, что на крыльце дома, который вечно скрипит, завелись котята. Мало того, Ромка видел, как к ним ходила Марфа Мышовна с Арсением. Этот факт настолько возмутил Ромку, и настолько ему хотелось поделиться этой новостью с мамой, что он сразу простил ей и веник, и всю сердитость. Вскоро Матильда, нацепив голубой берет, уже бежала в сторону дома сторожа, а Ромка еле поспевал за ней...

* * *

...Смеркалось, когда Марфу Мышовну с Арсением дома встретил Мышантий Петрович. На столе их ждала вареная картошка. "Ну я же догадываюсь, что вы были у котят. Рассказывайте, спасатели, как там дела", – произнес папа-мышь, раскладывая кусочки картофелины по тарелкам. Крупная картошка была собрана дачниками, но в земле осенью осталось полно махоньких картофелин, которые отлично подходили мышкам по размерам.

На семейном совете были представлены на рассмотрение папы разные варианты спасения: подкоп, взлом замка, выживание кошки через печную трубу и Сенин вариант – выбивание окна с помощью рогатки. Каждый вариант Мышан-

тий Петрович оценил с точки зрения скорости и рисков. Ему – саперу – было привычно анализировать ситуацию. Марфа Мышовна не ошиблась: самым эффективным оказалось предложение сына – воспользоваться рогаткой.

Однако, когда гордый своей идеей Арсений принес рогатку и горсть запасенных рябиновых ягод – снарядов, папа-мышь печально развел лапами: для окна нужно было гораздо более мощное орудие, а для его изготовления нужны были дополнительные лапы. Предпринимать опасную спасательную операцию лучше было ночью, причем не стоило откладывать, так как в любой момент погода могла испортиться и добрый Дом не смог бы уберечь малышей от холода и дождя. Было решено делать суперрогатку как можно быстрее. Мама с папой перебрали мысленно все соседские мышьиные семьи и решили обратиться за помощью к Крыскинсонам.

Константин Крыскинсон, в просторечии Костик, рисовал иллюстрации к своему новому фантастическому рассказу. Он был фантазером и обожал придумывать всякие истории – в последней из них отважные мыши-космонавты путешествовали по далеким планетам, где в изобилии водились кошкоподобные монстры. В его истории один из монстров попал в беду, и Костик не мог решить, стоит ли позволить космонавтам помочь ему. Космонавтов было трое – один был готов спасти монстра, второй был категорически против, а третий колебался и получалось, что именно от его решения зависела судьба инопланетного существа. Костик решил от-

влечься от сюжета и занялся иллюстрациями – и обнаружил, что монстр на его картинке смахивает на одного из котят, брошенных на крыльце Дома. В гостиной послышался громкий разговор, хотя в такой поздний час к ним не могли прийти гости, и Костик, отложив судьбоносное для монстра решение, пошел к гостиную.

* * *

Родители Костика оказались мышами отзывчивыми. Папа его был грызуном – из семейной династии грызунов. Это значило, что и прадед его был грызуном, и дед, и отец. Во времена прадеда ценились острые зубы, но сейчас мышинная наука шагнула вперед, и отец Костика пользовался маленькими ножовками и топориками. Работа его была разнообразной. Он перегрызал, то есть подпиливал, падающие ветки – чтобы они не обрушились на мышинные норы. Его звали мыши, когда строили красивые входы в норки – разгрызть, то есть распилить, веточки на красивые доски. От предков ему передались отличные зубы – и он умел выгрызать красивые балясины, чтобы сделать крылечко в норке или балкончик. Умел он делать и норную мебель. Наверное, люди бы сказали, что он был плотником, но он гордо – по старинке – звал себя грызуном.

Прихватив ящик с инструментами, папы пошли делать суперрогатку, мальчики с костиковой мамой, взяв маленькую тележку, отправились на поиски подходящих камушков-снарядов, а Марфа Мышовна пошла к котяткам. Костика было легко на душе – потому что не надо было «выслуживаться» перед Ромкой. Потому что делать доброе дело гораздо приятнее и легче, чем идти на сделку с совестью. Потому что он понял, какое решение примет сомневающийся космонавт в его повести.

* * *

Была ночь, и месяц был похож на кусочек сыра. Маленький отряд, состоящий из мамы Костика и двух мальчиков-мышат, пробирался с тележкой через огороды к грунтовой дороге – за камушками. Памятуя о мышеловках и кошках, шли они тихонько, когда мимо них буквально пролетели двое мышей. Вовсе не летучих. К счастью, они так торопились, что не успели заметить отряд. Зато мальчишки отлично разглядели Матильду и Ромку. «Быстрее, – пищала Матильда, – надо быстрее разбудить Полкана! Пусть бежит к котяткам и разгонит их! Чтобы духу их кошачьего не было в нашем посёлке! Не ровен час – сторож вернется, надо спешить!»

Эта неожиданная встреча изменила планы искателей снарядов. Мама Костика продолжила путь к грунтовке, а мальчишки побежали к Марфе Мышовне, предупредить об опасности.

Когда они добежали до Дома, Марфа Мышовна пела колыбельную котяткам.

Мышата рассказывали ей об опасности взახлеб, перебивая друг друга, и несмотря на их энергию, мама-мышь вдруг почувствовала себя уставшей и абсолютно беспомощной. Серой беспомощной мышью, которая никак не сможет противостоять злобной дворняге из соседнего дачного общества. Конечно, она соберется с силами и кинется на собаку – при этой мысли шерстка на ее загривке слегка стала дыбом, – но собаку ей не победить. «Быстрее, мама! Надо что-то делать!» – кричал Арсений. Вдалеке слышался собачий лай. И в это время на крылечко взобрался крот...

...Когда Полкан, Матильда и Роман взбежали на крыль-

цо, там было пусто. Полкан и так был возмущен поведением мышей, которые нагло побеспокоили его ночью, а когда оказалось, что никаких котят на крыльце нет – он взбесился. Тем более, что запах котят был совсем свежим, а нигде по близости их не обнаружилось. Матильда с Романом бежали от него наутек так быстро, что она даже потеряла беретик. А Полкан, добежав до берета, пожевал его, в сердцах выплюнул, и побрел домой. И то правда – не ровен час, заметит его хозяин, что Полкана нет в конуре. Нельзя, чтобы хозяин узнал, что Полкан научился выбираться из ошейника.

Когда топот и лай утихли, Марфа Мышовна перевела дух. «Вот теперь, – сказала она, – я с удовольствием попою с Вами чай, дорогой Крот Кротыч», и крот ей ответил: «Я не сомневался, что все закончится хорошо. Зовите мальчишек пить чай».

Глаза мышат горели: «Дядя Крот, а там правда был клад?». «Да, – ответил Крот Кротыч. – Когда люди построили дом, то в подполе поставили ящик со старыми вещами. Вещи мы растащили – из них вышли отличные коврики. Хозяева про ящик и забыли, мы присыпали его сверху, чтобы было незаметно – поэтому вы его и не видели, шмыгая в подполе. Из подпола прокопали проход и внутри ящика сделали комнату. А еще в ящике была маленькая коробочка со старыми монетками – настоящий клад. Вот вам на память», – сказал крот и подарил Арсению и Костику по монетке.

Котята мирно спали в комнате-ящике. «Наверное, это

единственные в мире котята, спящие в кротиной норе, – подумала Марфа Мышовна. – Через пару дней они бы уже не смогли проползти сюда. Просыпайтесь, малыши, а то мама ваша придет, а вас нет», – добавила она, улыбаясь. И Дом, почувствовав, как котята просыпаются, тоже улыбнулся: скрип-скрип.

* * *

Папы смастерили огромную рогатку и закопали ее основание в землю. Хорошо, что у папы-Крыскинсона был с собой небольшой бур, да и костикова мама подросла с камушками как раз вовремя. Стекло разбилось с третьего выстрела. Снежка выскочила сквозь осколки, на бегу поблагодарила спасителей и понеслась к Дому.

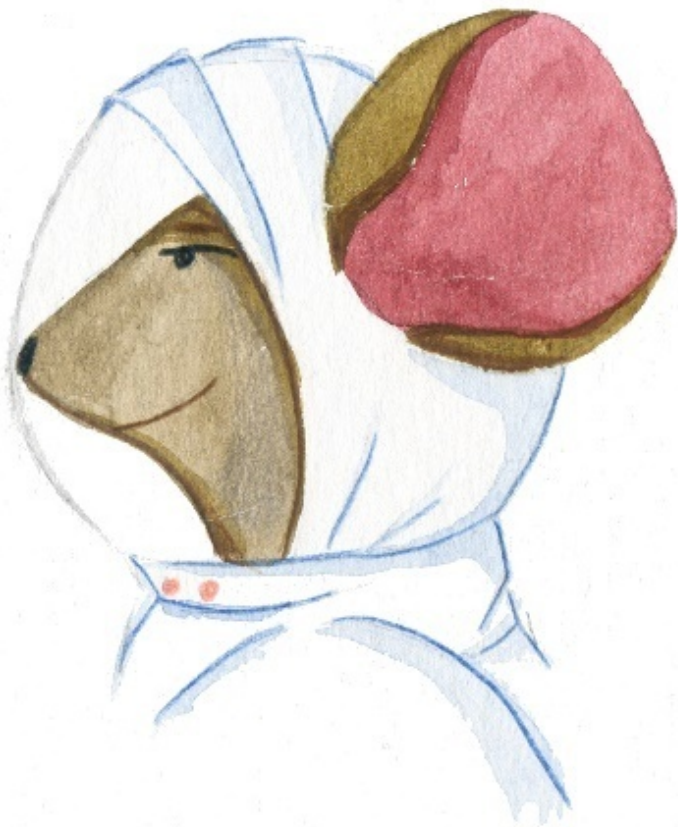
Подбегая к крыльцу, она увидела, как ее малыши идут друг за дружкой откуда-то из-за Дома. Обычно так ходят землеройки – держась за хвостики друг друга. Так и котята шли цепочкой, и первый держался за хвост мыши. Разинув от удивления рот, Снежка не смогла ничего сказать, а потом бросилась их обнимать, мурлыкать и благодарить мышей.

* * *

Утром вернулся из города сторож. Обходя с дозором дачный поселок, он обнаружил на крыльце кошку с котятами и забрал всё кошачье семейство к себе. Так они стали домашними кошками.

Мышка Варя обживала новую норку, и никакой кошки в избушке над ней теперь не было – зато нашлось много замечательных крошек и даже полпалки колбасы. Вместе с мужем, они принесли эти запасы в надежное место, на склад, и обсудили с Марфой Мышовной добрые новости.

Костик закончил повесть про космонавтов и принес свою рукопись Арсению. Двое отважных космонавтов спасли монстра, и монстр теперь помогал им во всех начинаниях.

Мышата сидели на крыльце Дома и разговаривали. «Эх, – вздохнул Арсений, – может мы как-то подружимся с котя-

тами. Представляешь, они бы охраняли нас от чужих котов, да и вообще они видят в темноте гораздо лучше нас, никакого прибора ночного видения не надо...» «Да, – ответил Костик, – давай их к нашим тренировкам приобщим, когда подрастут». И Дом согласно скрипнул: скрип-скрип.

А что стало с Ромкой и Матильдой? Да ничего. Так и живут они в дачном поселке. У всех разные пути. И хотя пути Арсения с Костиком и путь Ромки разошлись, они не стали ссориться, но тренироваться вместе им совсем не хочется, и все их общение теперь сводится к вежливому «Привет». Ромка только жалеет, что монетки из клада, которую он видел у бывших друзей, у него нет. А Костик с Арсением поняли, что дружба, смелость и готовность помочь слабому – это настоящий клад.